

Маркова Е. А. «Подпольная любовь»: творчество Д. Г. Лоуренса и «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского / Е. А. Маркова // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 238—250. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-238-250.

Markova, E. A. (2020). “Underground Love”: D. H. Lawrence and “Notes from the Underground” by F. M. Dostoevsky. *Nauchnyi dialog*, 2: 238-250. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-238-250. (In Russ.).

УДК 82.091+821.111Lawrence.04+821.161.1Достоевский.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-238-250

«ПОДПОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ»: ТВОРЧЕСТВО Д. Г. ЛОУРЕНСА И «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

© **Маркова Екатерина Александровна (2020)**, orcid.org/0000-0001-5954-1440, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН); старший преподаватель кафедры иностранных языков, старший преподаватель кафедры истории зарубежных литератур, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (Москва, Россия), glazkova1992@gmail.com.

В статье проанализирована рецепция повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» в творчестве и переписке Д. Г. Лоуренса. Новизна исследования видится в том, что влияние этой повести на прозу Лоуренса изучается практически впервые. Особое внимание уделено письмам Лоуренса переводчику С. С. Котелянскому, с которым английский писатель делился впечатлениями от чтения произведений русских классиков, прежде всего Достоевского, а также одному из писем, адресованных писателю Г. Кэмпбеллу, которое содержит единственное прямое упоминание «Записок из подполья» у Лоуренса. В этом письме раскрывается индивидуальная интерпретация повести Лоуренсом. Доказано, что эта трактовка оказывается близкой к прочтению «Записок» Л. Шестовым. Поднимается вопрос о существующих параллелях между текстом Достоевского и романами Д. Г. Лоуренса («Влюбленные женщины», «Пропавшая девушка», «Радуга» и «Флейта Аарона»). Сходство видится в своеобразной интерпретации концепта Подполья у Лоуренса. Показано, что образ Подполья в произведениях английского писателя (как правило, выраженный словами «underworld», «subterganeap») всегда так или иначе связан с иррациональным началом и участвует в формировании лоуренсовского сенсуализма.

Ключевые слова: Д. Г. Лоуренс; Ф. М. Достоевский; сенсуализм в литературе; рецепция русской литературы в Англии; образ Подполья.

1. Введение

Увлечение Дэвида Герберта Лоуренса (David Herbert Lawrence, 1885—1930) русской литературой, и особенно Достоевским, приходится на 1910-е годы. Этот интерес прослеживается как в произведениях английского писателя тех лет, так и в его корреспонденции. В одном из писем С. С. Ко-

телянскому, британскому переводчику русского происхождения, с которым Лоуренс поддерживал дружеские отношения до конца жизни, он делится своими весьма неоднозначными впечатлениями от чтения писем Достоевского. Лоуренс видит в русском писателе «удивительную личность», «настоящего интроверта», обладающего «разрушительной силой», в котором «страстный порыв к ненависти и злу» исключает «страстную любовь» (здесь и далее перевод наш. — *Е. М.*) [Lawrence, 1970, p. 37]. У Достоевского ему кажется «порочным», «греховным», «порожденным злом, а не любовью» культ Христа [Ibid].

Тем не менее Лоуренс называет Достоевского великим человеком и восхищается им. В контексте «Записок» любопытно то, как Лоуренс формулирует это чувство: «Я испытываю к Достоевскому что-то вроде подпольной любви. Но сам он никогда не хотел быть любимым. На всех он оказал отталкивающее влияние» [Ibid, p. 69]. Здесь звучит явная аллюзия не только на повесть Достоевского, но и на творчество Лоуренса, у которого «подпольный», «подземный» мир находит свои воплощения и приобретает различные смыслы.

2. Лоуренс и Достоевский: опыт исследователей

Исследователи неоднократно отмечали и анализировали влияние Достоевского на творчество Лоуренса. П. Кэй в книге о Достоевском и английских модернистах высказывает мнение о том, что «с публикацией “Сыновей и возлюбленных” Лоуренс отошел от британской традиции романа как биографии, изображающей человека, которому чужды философские размышления и который не ощущает вовлеченности в общекультурный кризис» [Kaue, 1999, p. 52]. Вслед за русским писателем Лоуренс «проникает в самые глубины проблем современности и в своих произведениях предлагает возможные пути разрешения этих вопросов» [Ibid]. Влияние крупных романов Достоевского, таких как «Преступление и наказание», «Идиот» и «Братья Карамазовы», на творчество Лоуренса, а также его прочтение этих произведений стали предметом ряда исследований в России и за рубежом [Дайхин, 2013; Казнина, 2005; Хуснулина, 2016; Сох, 1983; Gervais, 2006; Lodge, 1990; Panichas, 1995; Sargent, 2001; Zyataruk, 1971]. В то же время практически отсутствуют работы, посвященные рецепции повестей Достоевского в творчестве английского писателя. Лишь Р. Р. Хуснулина обращает внимание на особое средство романа «Влюбленные женщины» («Women in Love», 1920) и «Записок из подполья»: «В бесконечных спорах о любви, браке, свободе Крич и Гудрун, Беркин и Урсула истязают себя, подобно герою Достоевского, чтобы через страдание приблизиться к непо-

стижимому, вырваться за пределы “я”» [Хуснулина, 2005, с. 75]. Очевидно, актуальность текста «Записок» для творчества Лоуренса — тема, требующая дальнейших изысканий.

3. «Записки из подполья» и сенсуализм Лоуренса

Хотя точно неизвестно, когда и в каком переводе Лоуренс прочитал «Записки», можно предположить, что это произошло в 1913 (тогда вышел первый английский перевод повести под названием «Letters from the Underworld», авторство которого принадлежит С. Дж. Хогарту) или 1914 году, на исходе которого Лоуренс отправляет письмо Г. Кэмпбеллу по поводу его романа (так и не опубликованного) [Lawtence, 1979b, p. 246—250]. Вероятно также и то, что Лоуренс был знаком с французским переводом повести, появившимся значительно раньше английского («L'esprit Souterrain», 1886). Судя по письмам и эссе, его интерес к Достоевскому пришелся именно на середину 1910-х годов. В 1913-м Лоуренс читает «Братьев Карамазовых», а в 1914-м перечитывает этот роман. Позже, в 1915-м, Лоуренс оставляет отзыв о романе «Идиот» [Lawtence, 1970, p. 68]. Примечательно, что в книгах Лоуренса, изданных до 1915 года, концепт ПОДПОЛЬЯ (подпольного, тайного, плотского мира и сопряженных с ним движений души) не встречается вовсе. Можно предположить, что на создание этого образа писателя вдохновило в том числе чтение «Записок из подполья» (в английском и французском переводах). С концептом ПОДПОЛЬЯ (у Лоуренса он выражен словами *underworld, subterranean*) оказывается связан лоуренсовский сенсуализм.

Лоуренс, наряду с другими авторами конца XIX — начала XX веков, становится свидетелем «заката Европы», кризиса современной цивилизации с ее логоцентричным способом мышления. Ему писатель противопоставляет подсознательное, интуитивное миропонимание, опирающееся на «зов плоти и крови», инстинктивное влечение. Философско-эстетические взгляды Лоуренса во многом опираются на открытия З. Фрейда (см. эссе Лоуренса «Психоанализ и бессознательное» / «Psychoanalysis and the Unconscious», 1921), чьи представления о половом инстинкте как первостепенной направляющей силе в жизни человека заявляют о себе практически во всех произведениях писателя. Герои Лоуренса познают себя и «другого» в первую очередь через отношения мужчины и женщины. «Подпольные», «подземные» образы в романах английского писателя, ассоциируемые с ПОДПОЛЬЕМ Достоевского, выражают тайное, неосознаваемое, сокрытое в человеке начало, управляющее его жизнью и судьбой.

Так, в романе «Влюбленные женщины» «подземный» мир («underworld») материализован в образе шахтерского городка и его жителей. В го-

лосах «сильных мужчин, обитающих в подземельях» Гудрун «различала сладострастные вибрации тьмы, могучего, опасного, таинственного мира, в котором нет места разумному и неизвестно, что означает быть человеком» [Lawrence, 1921, p. 119]. Здесь иррациональное соотносится с нечеловеческим, механизированным шахтерским миром и одновременно с пробуждающимся либидо. «Ледяное, стальное сладострастие» [Ibid] пугает и завораживает молодую образованную женщину, принадлежащую иному, разумному миру, который она, впрочем, ненавидит и из которого стремится бежать.

Когда Джеральд размышляет о возможном браке с Гудрун, «подземный мир» формулируется как метафора «проклятого» бытия «по ту сторону», как символ взаимоотношений мужчины и женщины, вступающих в брак [Lawrence, 1921, p. 373]. Брак видится герою неизведанной глубиной, мрачной, проклятой, пугающей и гнетущей. Так, Лоуренс говорит о танатосе, инстинкте смерти, составляющем одно из образующих начал любви. Основываясь на идеях Фрейда, Лоуренс изображает любовь как явление дуалистичное по своей природе, в котором сосуществуют два независимых и несводимых друг к другу принципа — эрос и танатос [Фрейд, 1989].

Концепт «подземного», «подпольного», «тайного» («subterranean») метафорически описывает глубины подсознания, невыразимое, непознаваемое разумом, иррациональное, «влечение к жизни» и «влечение к смерти»: отсюда «тайные мысли» Гермियोны («subterranean thoughts» [Ibid, p. 87]), вызванное сексуальным возбуждением «подпольное неистовство» Джеральда («subterranean recklessness» [Ibid, p. 94]), «тайная неприязнь» детей Крича к умирающему отцу («subterranean dislike» [Ibid, p. 298]), «подпольная красота» Биркина («subterranean beauty» [Ibid, p. 381]) и, наконец, слова Биркина о том, что «в самых нормальных людях сокрыто самое ужасное подпольное “я”» [Ibid, p. 218]. Это высказывание предвосхищает трагический финал романа: обычно сдержанный и деловитый Джеральд сперва в припадке ревности едва не убивает Гудрун, а затем уходит «инстинктивно» все выше и выше в заснеженные горы, где видит присыпанное снегом распятие и чувствует, что он «обречен быть убитым» [Ibid, p. 500]. Джеральд ощущает угрозу как исходящую извне, однако ее источник — не другой человек и не некая потусторонняя сила, но будто бы его собственный призрак, его «подпольное» «я». Именно «инстинкт смерти» заставляет героя желать «добраться до конца» [Ibid, p. 499], то есть совершить самоубийство.

В более раннем романе «Радуга» («The Rainbow», 1915), сюжетно и концептуально предвещающем роман «Влюбленные женщины», «подзем-

ный мир» также соотносится с иррациональным началом: Анна замечает в своем муже что-то «нездешнее», «потустороннее», ей кажется, что он живет особой внутренней жизнью, как будто у него есть «подполье», «тайное укрытие» («underworld refuge» [Lawrence, 1915, p. 157]). То же ощущает в отце дочь Анны Урсула, влекомая к нему его «чувственным тайным миром» («sensuous underworld» [Ibid, p. 216]).

Схожа и трактовка образа шахтера в романе «Пропавшая девушка» («The Lost Girl», 1920). Главной героине Альвине шахтер видится созданием «подпольным», «нездешним» («subterranean»), «нечеловеческим» («inhuman») [Lawrence, 1920, p. 56].

В целом у Лоуренса «подпольные», «подземные» образы служат для выражения его мысли о том, что не разум определяет поступки, но инстинкты, бессознательные влечения. Действия героев Лоуренса чаще всего продиктованы не стремлением к общепринятой «выгоде», но неосознаваемыми и необъяснимыми с рациональной точки зрения порывами.

4. Подполье Достоевского и Лоуренса как мир без Христа

У Лоуренса, как и у Достоевского, Подполье оказывается миром без Христа. Подпольный жаждет обрести истинный идеал, но не ведает, в чем он заключен. Хотя «потребность веры и Христа», с которыми и связан искомый идеал, не проговорена в повести, о ней заявляет ее автор в одном из писем брату Михаилу [Достоевский, 1985, с. 73]. Подпольный пребывает в постоянном движении, поиске, потому что абсолютом может существовать лишь за пределами наличного бытия (отсюда отвержение «хрустального дворца» [Достоевский, 1973] и «переосмысление, компрометация, опровержение идеологических, социальных и других представлений современности» [Ельницкая, 2007, с. 229]). Вместе с тем идеал находится и за границами состояния «я», в рамках которого живет Подпольный. Подполье формирует промежуточный модус бытия между тем, что Достоевский именует присутствием в мире «насуточного видимо-текущего» [Достоевский, 1981, с. 145], и тем, что в незавершенном эссе «Социализм и христианство» Достоевский называет высочайшей ступенью развития человека (такое его состояние, когда он, сохраняя свое «я», способен полюбить «другого» больше, чем себя) [Достоевский, 1980, с. 192].

Исповедь Подпольного должна выявить, каким был бы мир без Христа: «<...> оказалось бы, что человеческое существование абсурдно, что человек — самое нелепое из возможных существ: он ищет, но боится найти; он только и делает, что идет против собственной рассчитанной и доказанной выгоды; он — странник, тоскующий по пристани, и на любой приста-

ни шалеющий и доходящий до преступления от вовсе уж беспредметной тоски» [Касаткина, 2019, с. 120]. Подполье допускается воспринимать не только как мир без Христа, но и как бунт против Христа, как «символ бевсовского, хтонического, разрушительного начала человеческой сущности», образ, ассоциируемый с «низовым началом и дьявольским перевернутым порядком вещей» [Кулибанова, 2010, с. 17]. Подобная интерпретация Подполья перекликается с образами «подпольного», «подземного» мира у Лоуренса, который изображает шахтеров одновременно как «рабов подземелий» и как воплощение неистового, разрушительного хаоса. По Лоуренсу, «инфантильный мир взывает к Спасителю», в то время как на самом деле должен призывать «Темного Властелина», могущего управлять этим хаосом [Lawrence, 1920, p. 57]. Здесь можно заподозрить влияние еще одного произведения Достоевского, поэмы «Великий инквизитор» (1879), в которой заявляют о себе эсхатологические мотивы, неминуемый конец света и пришествие Антихриста. В романе «Влюбленные женщины» мистер Крич и его сын Джеральд оказываются носителями двух противостоящих друг другу способов бытия, христианского и антихристианского. Отец видит смысл жизни в том, чтобы «возлюбить ближнего гораздо больше чем себя» [Lawrence, 1921, p. 225], и, разделяя горести подчиненных, шахтеров, ощущает свою близость к Богу. Джеральд же отвергает культ заботы о ближнем и считает шахтеров винтиками в огромной производственной машине, которой они сначала обязаны послужить, а потом могут делать что угодно.

Несмотря на некоторые идейные и образные переклички, мир без Христа у Лоуренса и мир без Христа у Достоевского предполагают принципиально разную трактовку. Если текст «Записок» подразумевает необходимость в вере в Христа, призванной помочь преодолеть абсурдность бытия, то роман Лоуренса, отвергнувшего христианство и полемизирующего с ним, утверждает религию совсем иного толка, сущность которой сформулировал сам писатель: «Моя религия — это вера в то, что кровь и плоть мудрее рассудка» [Lawrence 1979a, p. 503].

5. Критика «Записок из подполья»

Лоуренс в письме Кэмпбеллу критикует финал его романа, где герой, воплощение самовлюбленности и тщеславия, совершает самоубийство. Лоуренс предлагает запечатлеть не смерть эгоиста (что уже делали бесчисленное количество раз), но гибель греха самовлюбленности. В качестве примера книги, где показано искупление этого греха, исправление эгоиста, Лоуренс приводит Книгу Иова, в которой Иов «отрекается и раскаивается в прахе и пепле» [Книга Иова, 2004, с. 379]. Далее Лоуренс высказыва-

ет мысль о сходстве Книги Иова и «Записок из подполья», отмечая, что в Книге история эгоиста раскрыта значительно лучше, чем в повести.

По тексту письма очевидно, что «Записки» для Лоуренса примыкают к тем произведениям, где, как он выражается, «изображен “Прометей прикованный”, а не “Прометей освобожденный”, то есть герой, страдающий на скале своей самовлюбленности» [Lawrence, 1979b, p. 248], для которого невозможны изменения. Примерно те же соображения Лоуренс излагает и в связи с другими романами Достоевского («Бесы», «Братья Карамазовы»). Лоуренса раздражают герои Достоевского, его самовлюбленные «падшие ангелы» [Lawrence, 1970, p. 68].

Лоуренс говорит о двух способах мировоззрения: «я» («Я есть все. Все исходит от меня») и позиции «целостности», «единства» («whole»). Очевидно, писателю близка позиция «единства», достижимая, как ему видится, с помощью символизма, «потому что символизм избегает “я” и отказывается от самовлюбленности» [Lawrence, 1979b, p. 248].

В сущности, здесь предложена апология символистского метода, используемого в произведениях Лоуренса. Как и У. Б. Йейтс, на которого писатель ссылается в своих рассуждениях, Лоуренс стремится свести воедино разрозненные элементы бытия. Таковыми, например, оказываются мужчина и женщина. Руперт Биркин, герой романа «Влюбленные женщины», мечтает об идеальном союзе между женщиной и женщиной, «восхитительном состоянии ничем не скованного гордого одиночества, которое было бы неразрывно связано с другими, которое было бы подчинено бремени и цепям любви, но никогда не потеряло бы своей гордой независимости, даже в любви и жизни для других» [Lawrence, 1921, p. 267]. Лоуренс, вероятно, сам того не сознавая, перекликается с Достоевским, в частности, с его эссе «Социализм и христианство».

Стремление Лоуренса к единству бытия находит выражение и в стиле письма — суггестивности, ассоциативности языка, его поэтичности и текучести. Реплики героев плавно перетекают в мысли, и их мысли невозможно отличить от авторской речи — весь повествовательный пласт сливается в единое целое.

Антагонизм двух обозначенных Лоуренсом в письме Кэмпбеллу способов миропонимания явлен в позднем романе «Флейта Аарона» («Aaron's Rod», 1922). Аарон Сиссон, охваченный отвращением ко всему окружающему и, подобно Подпольному, «ненавидящий себя каждой частичкой своего существа» [Lawrence, 1922, p. 40], оставляет дом, работу секретаря при шахте и отправляется на поиски неизведанного. На новых друзей, художников и литераторов, он производит «впечатление человека с развиты-

ми интеллектуальными способностями, питающего, впрочем, отвращение к просвещению и умственной культуре» [Ibid, p. 60], что также роднит его с героем Достоевского. Как и Подпольный, он «не понимает, чего ищет» [Ibid, p. 61]. Рассуждения героев нередко сводятся к вопросу о сущности эгоизма: жена Аарона называет его эгоистом, затем Лилли, его друг, характеризует брак как «egoïsme à deux» [Ibid, p. 94] и т. д. Аарон, ощущающий себя «первым и единственным» [Ibid, p. 154], отказывается покориться жене и устремляется навстречу внутренне свободной жизни, ведь «отречение от своего “я” в любовных отношениях всегда казалось ему омерзительным и лживым предательством самого себя» [Ibid, p. 159]. И все же Аарон чувствует тоску по дому и предпринимает попытку вернуться, хотя и терпит неудачу. Существование героя заключено в клубок противоречий, сотканный, по Лоуренсу, из противоположных влечений (к любви и свободе).

В финале романа флейта героя, символ творческого порыва и мужской силы, оказывается уничтоженной. Чтобы интерпретировать этот эпизод, обратимся к названию произведения, а также к нескольким символическим деталям из его начала. С жезлом Аарона в Библии связаны два сюжета: чтобы доказать свою богоизбранность, Аарон превращает свой жезл в змея и (в другом эпизоде) заставляет его расцвести. Если попытаться перенести эти библейские сюжеты на роман Лоуренса, можно предположить, что флейта — символ призвания, ассоциируемого одновременно с змеем-искусителем, вводящим Аарона в соблазн (уйти из семьи) и живительной силой, способной исцелять (достаточно вспомнить маркизу, страдающую от нервного заболевания и преображающуюся на глазах благодаря таланту Аарона). «Двойник» сломанной флейты — разбившийся в первой главе романа шар, елочная игрушка, символизирующая семейные ценности и традиции (шар передавался в семье Аарона из поколения в поколение). Шар разбит, как и прежняя жизнь героя. Поэтому Аарон отправляется на поиски новой жизни. Вероятно, таково же значение сломанной флейты — знак потребности в поиске новых целей и идеалов. Иными словами, как и Подпольный, Аарон, ничем не удовлетворяясь, находится в непрерывном процессе поиска и отвержения высших смыслов.

6. Подпольный и Иов (интерпретации Лоуренса и Шестова)

Сравнение повести с Книгой Иова, предпринятое Лоуренсом, оказалось созвучным тому, как на «Записки» смотрели в России. Само название одной из книг Льва Шестова, в которой он комментирует Достоевского, говорит нам об этом — «На весах Иова. Странствования по душам».

Конечно, Шестов едва ли мог читать письмо Лоуренса, и вместе тем мысли английского писателя в 1914 году и русского философа в 1929-м поразительно сближаются. По Шестову, Достоевский в какой-то момент осознал, что «небо и каторжные стены», «идеалы и кандалы» [Шестов, 1993, с. 32] суть одно и то же; «есть только цепи, хотя и невидимые, но связывающие еще более прочно, чем тюремные кандалы» [Там же]. Это «новое видение», согласно Шестову, и «составляет основную тему “Записок из подполья”» [Там же].

По сути, Лоуренс использует схожую метафору, когда рассуждает о «Прометее прикованном» и «Прометее освобожденном». Различие трактовок в том, что Шестов не критикует Достоевского за его «видение», усматривая в нем рождение особой творческой философии, в то время как английский писатель критически толкует фигуру Подпольного как образ рекуррентный, представляющий собой очередную интерпретацию типа тщеславного героя, неспособного побороть собственную гордыню.

7. Заключение

«Записки из подполья», таким образом, становятся текстом (среди прочих произведений Достоевского), который повлиял на Лоуренса, от которого он явно отталкивается и с которым ведет полемику. Предвосхищенное Достоевским и явившееся квинтэссенцией мироощущения человека в начале XX века чувство разрозненности бытия, потери опор старых, метафизических (христианской веры) и рационалистических (вера в достижение всеобщего процветания с помощью развития науки и социальной философии), находит выражение и в книгах Лоуренса.

В своём творчестве Лоуренс демонстрирует всю остроту экзистенциального кризиса европейской цивилизации, разразившегося на рубеже XIX—XX веков, и исследует возможные пути его преодоления. Вслед за Достоевским и его Подпольным английский писатель показывает мир без Христа и то, что пришло на смену христианской религии, — мир иррациональный, приведенный в движение тайными, скрытыми в глубинах «я» бессознательными, «подпольными» влечениями. Изучение природы этих влечений и выводимых из них сущности и смысла бытия становится одной из главных задач эссеистики и романного творчества Лоуренса.

Конкретные критические замечания по поводу «Записок» соотносятся с идеалом «целостности бытия», проповедуемым Лоуренсом. Буквально толкуя повесть Достоевского, он противопоставляет этому идеалу фигуру Подпольного и называет его воплощением эгоизма. На самом же деле лоуренсовское стремление к «единству бытия», достижимому через следова-

ние зову «плоти и крови», особый союз мужского и женского сближается с духовным идеалом Достоевского, согласно которому величайшее счастье для человека — из любви к «другому» отдаться ему целиком и полностью, соединившись с ним во Христе, приобщившись к синтезу Доброты, Красоты и Истины.

Источники

1. *Достоевский Ф. М.* Два самоубийства / Ф. М. Достоевский // *Собрание сочинений* : в 30 томах. — Ленинград : Наука, 1981. — Т. 23. — С. 144—146.
2. *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья / Ф. М. Достоевский // *Собрание сочинений* : в 30 томах. — Ленинград : Наука, 1973. — Т. 5. — С. 133—245.
3. *Достоевский Ф. М.* М. М. Достоевскому / Ф. М. Достоевский // *Собрание сочинений* : в 30 томах. — Ленинград : Наука, 1985. — Т. 28. — С. 72—74.
4. *Достоевский Ф. М.* Социализм и христианство / Ф. М. Достоевский // *Полное собрание сочинений* : в 30 томах. — Ленинград : Наука, 1980. — Т. 20. — С. 191—194.
5. *Книга Иова* // *Переводы* : Евангелия. Книга Иова. Псалмы / перевод С. Аверинцева; под редакцией Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. — Киев : ДУХ І ЛІТЕРА, 2004. — С. 312—378.
6. *Шестов Л.* На весах Иова / Л. Шестов // *Лев Шестов. Сочинения в 2-х томах.* — Москва : Наука, 1993. — Т. 2. — С. 25—402.
7. *Lawrence D. H.* Aaron's Rod / D. H. Lawrence. — London : Heinemann, 1922. — 302 p.
8. *Lawrence D. H.* Letter to Ernest Collings, 17 January 1913 / D. H. Lawrence // *The Letters of D. H. Lawrence.* — Cambridge : CUP, 1979. — Vol. 1. — Pp. 502—504.
9. *Lawrence D. H.* Letter to Gordon Campbell, 20 December 1914 / D. H. Lawrence // *The Letters of D. H. Lawrence.* — Cambridge : CUP, 1979. — Vol. 2. — Pp. 246—250.
10. *Lawrence D. H.* The Quest for Ranim. D. H. Lawrence's Letters to S. S. Kotliansky 1914 to 1930 / Ed. by G. J. Zyataruk. — London : McGill — Queen's UP, 1970. — 437 p.
11. *Lawrence D. H.* The Lost Girl / D. H. Lawrence. — London : Martin Secker, 1920. — 382 p.
12. *Lawrence D. H.* The Rainbow / D. H. Lawrence. — London : Heinemann, 1915. — 508 p.
13. *Lawrence D. H.* Women in Love / D. H. Lawrence. — London : Martin Secker, 1921. — 520 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дайхин Т. Л.* Испившие чашу ... (Идеи Ф. М. Достоевского в художественном сознании английских писателей первой половины XX века) / Т. Л. Дайхин // *Уральский филологический вестник.* — 2013. — № 1. — С. 194—213.
2. *Ельницкая Л. П.* Исповедь антигероя («Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и «Распад атома» Г. Иванова) / Л. П. Ельницкая // *Достоевский. Материалы и исследования.* — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — Т. 18. — С. 227—240
3. *Казнина О. А.* Д. Г. Лоуренс — толкователь Ф. М. Достоевского / О. А. Казнина // *Литературоведческий журнал.* — 2005. — № 19. — С. 58—72.

4. Касаткина Т. А. Достоевский как философ и богослов : художественный способ высказывания / Т. А. Касаткина. — Москва : Водолей, 2019. — 336 с.
5. Кулибанова О. С. «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского в контексте авторского мифа о богоборчестве : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. С. Кулибанова. — Арзамас, 2010. — 23 с.
6. Фрейд З. Влечения и их судьбы / З. Фрейд // Психология бессознательного. — Москва : Просвещение, 1989. — 447 с.
7. Хуснулина П. Р. Английский роман XX века и наследие Ф. М. Достоевского / П. Р. Хуснулина. — Казань : Издательство Казанского государственного университета, 2005. — 260 с.
8. Хуснулина П. Р. Возрождение «больной цивилизации» : «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Любовник леди Чаттерли» Д. Г. Лоуренса / П. Р. Хуснулина // Казанская наука. — 2016. — № 11. — С. 16—19.
9. Хуснулина П. Р. Прочтение Д. Г. Лоуренсом «Легенды о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского / П. Р. Хуснулина // Казанская наука. — 2016. — № 10. — С. 15—18.
10. Cox G. D. D. H. Lawrence and F. M. Dostoevsky : Mirror Images of Murderous Aggression / G. D. Cox // Modern Fiction Studies. — 1983. — № 2. — Pp. 175—182.
11. Gervais D. Dostoevsky and the English Novel : Dickens, John Cowper Powys and D. H. Lawrence / D. Gervais // The Cambridge Quarterly. — 2006. — № 1. — Pp. 49—71.
12. Kaye P. Dostoevsky and English Modernism, 1900—1930 / P. Kaye. — Cambridge : CUP, 1999. — 248 p.
13. Lodge D. Lawrence, Dostoevsky, Bakhtin : DHL and Dialogic Fiction / D. Lodge // After Bakhtin : Essays on Fiction and Criticism. — London : Routledge, 1990. — Pp. 57—74.
14. Panichas G. F. M. Dostoevskii and D. H. Lawrence : their vision of evil / G. Panichas // Dostoevskii and Britain / Ed. by W. J. Leatherbarrow. — Oxford : Berg, 1995. — Pp. 249—276.
15. Sargent M. E. D. H. Lawrence and the Dialogical Principle : The Strange Reality of Otherness / M. E. Sargent // College English. — 2001. — Vol. 63. — Pp. 409—436.
16. Zyataruk G. J. D. H. Lawrence's reading of Russian Literature / G. J. Zyataruk. — The Hague : Mouton, 1971. — 193 p.

“UNDERGROUND LOVE”: D. H. LAWRENCE AND “NOTES FROM THE UNDERGROUND” BY F. M. DOSTOEVSKY

© Ekaterina A. Markova (2020), orcid.org/0000-0001-5954-1440, PhD in Philology, senior researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; senior lecturer, Department of Foreign Languages, senior lecturer, Department of the History of Foreign Literature, Moscow Region State University (Moscow, Russia), glazkova1992@gmail.com.

The reception of the novel by F. M. Dostoevsky “Notes from the Underground” in the works and correspondence of D. H. Lawrence is analyzed in the article. The novelty of the study is in the fact that the influence of this story on Lawrence's prose is being studied for the first time.

Particular attention is paid to Lawrence's letters to the translator S. S. Kotelyansky, with whom the English writer shared his impressions of reading the works of Russian classics, especially Dostoevsky, as well as to one of the letters addressed to the writer G. Campbell, which contains the only direct reference to "Notes from the Underground" in Lawrence. This letter reveals an individual interpretation of the story by Lawrence. It is proved that this interpretation turns out to be close to the reading of the Notes by L. Shestov. The question is raised about the existing parallels between the text of Dostoevsky and the novels of D. G. Lawrence ("Women in Love", "The Lost Girl", "Rainbow" and "Aaron's Rod"). The similarity is seen in the peculiar interpretation of the Underground concept by Lawrence. It is shown that the image of the Underground in the works of the English writer (usually expressed by the words "underworld", "subterranean") is always somehow connected with the irrational principle and is involved in the formation of Lawrence sensualism.

Keywords: D. H. Lawrence; F. M. Dostoevsky; sensualism in literature; reception of Russian literature in England; Underground image.

MATERIAL RESOURCES

- Dostoyevskiy, F. M. (1973). Zapiski iz podpolya. In: *Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh*. Leningrad: Nauka. 5: 133—245. (In Russ.).
- Dostoyevskiy, F. M. (1980). Sotsializm i khristianstvo. In: *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh*, 20. Leningrad: Nauka. 191—194. (In Russ.).
- Dostoyevskiy, F. M. (1981). Dva samoubiystva. In: *Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh*, 23. Leningrad: Nauka. 144—146. (In Russ.).
- Dostoyevskiy, F. M. (1985). M. M. Dostoyevskomu. In: *Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh*, 28. Leningrad: Nauka. 72—74. (In Russ.).
- Kniga Iova. (2004). In: *Perevody: Evngeliya. Kniga Iova. Psalmy*. Kiyev: DUKh I LITERA. 312—378. (In Russ.).
- Lawrence, D. H. (1915). *The Rainbow*. London: Heinemann.
- Lawrence, D. H. (1920). *The Lost Girl*. London: Martin Secker.
- Lawrence, D. H. (1921). *Women in Love*. London: Martin Secker.
- Lawrence, D. H. (1922). *Aaron's Rod*. London: Heinemann.
- Lawrence, D. H. (1970). The Quest for Ranim. In: *D. H. Lawrence's Letters to S. S. Kotelyansky 1914 to 1930*. London: McGill — Queen's UP.
- Lawrence, D. H. (1979a). Letter to Ernest Collings, 17 January 1913. In: *The Letters of D. H. Lawrence*, 1. Cambridge: CUP. 502—504.
- Lawrence, D. H. (1979b). Letter to Gordon Campbell, 20 December 1914. *The Letters of D. H. Lawrence*, 2. Cambridge: CUP. 246—250.
- Shestov, L. (1993). Na vesakh Iova. In: *Lev Shestov. Sochineniya v 2-kh tomakh*, 2. Moskva: Nauka: 25—402.

REFERENCES

- Cox, G. D. (1983). D. H. Lawrence and F. M. Dostoyevsky: Mirror Images of Murderous Aggression. *Modern Fiction Studies*, 2: 175—182.
- Daykhin, T. L. (2013). Ispivshiy chashu ... (Idei F. M. Dostoyevskogo v khudozhestvennom soznanii angliyskikh pisateley pervoy poloviny XX veka). *Uralskiy filologicheskiy vestnik*, 1: 194—213. (In Russ.).

- Elnitskaya, L. P. (2007). Ispoved' antigeroya («Zapiski iz podpolya») F. M. Dostoyevskogo i «Raspad atoma» G. Ivanova). In: *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya*, 18. Sankt-Peterburg: Nauka. 227—240. (In Russ.).
- Freyd, Z. (1989). Vlecheniya i ikh sudby. In: *Psikhologiya bessoznatelnogo*. Moskva: Prosvetshcheniye. (In Russ.).
- Gervais, D. (2006). Dostoyevsky and the English Novel: Dickens, John Cowper Powys and D. H. Lawrence. *The Cambridge Quarterly*, 1: 49—71.
- Kasatkina, T. A. (2019). *Dostoyevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya*. Moskva: Vodoley. (In Russ.).
- Kaye, P. (1999). *Dostoyevsky and English Modernism, 1900—1930*. Cambridge: CUP.
- Kaznina, O. A. (2005). D. G. Lourens — tolkovatel' F. M. Dostoyevskogo. *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 19: 58—72. (In Russ.).
- Khusnulina, R. R. (2005). *Angliyskiy roman XX veka i naslediyе F. M. Dostoyevskogo*. Kazan': Izdatelstvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
- Khusnulina, R. R. (2016). Vozrozhdeniye «bolnoy tsivilizatsii»: «Idiot» F. M. Dostoyevskogo i «Lyubovnik ledi Chatterli» D. G. Lourensa. *Kazanskaya nauka*, 11: 16—19. (In Russ.).
- Khusnulina, R. R. (2016). Prochteniye D. G. Lourensom «Legendy o Velikom inkvizitore» F. M. Dostoyevskogo. *Kazanskaya nauka*, 10: 15—18. (In Russ.).
- Kulibanova, O. S. (2010). «Zapiski iz podpolya» F. M. Dostoyevskogo v kontekste avtorskogo mifa o bogoborchesve: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Arzamas. (In Russ.).
- Lodge, D. (1990). Lawrence, Dostoevsky, Bakhtin: DHL and Dialogic Fiction. *After Bakhtin: Essays on Fiction and Criticism*. London: Routledge. 57—74.
- Panichas, G. (1995). F. M. Dostoyevskii and D. H. Lawrence: their vision of evil. In: *Dostoyevskiy and Britain*. Oxford: Berg. 249—276.
- Sargent, M. E. (2001). D. H. Lawrence and the Dialogical Principle: The Strange Reality of Otherness. *College English*, 63: 409—436.
- Zyataruk, G. J. (1971). *D. H. Lawrence's reading of Russian Literature*. The Hague: Mouton.